

Александр Моисеев

ИСЧЕЗАЮЩИЙ СЕВЕР

непридуманные сюжеты
из жизни русской глубинки

Александр Федорович Моисеев
Исчезающий Север.
Непридуманные сюжеты
из жизни русской глубинки
Серия «Россия с душой.
Авторский взгляд»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70291366

*Исчезающий Север : непридуманные сюжеты из жизни русской
глубинки / Александр Моисеев: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-198666-7*

Аннотация

Задумывались ли вы когда-нибудь, сколько секретов и загадок прячет в себе бескрайний север нашей необъятной страны? Жителям мегаполисов не доступна эта гармоничная, почти медитативная красота. Но есть книга, способная открыть вам поистине уникальный мир – мир исчезающего севера.

«Исчезающий север» – это не просто книга. Это путешествие в русскую глубинку, где еще живы старые традиции и обычаи, где ежедневно трудятся необыкновенные люди, в одиночку хранящие

древние ремесла. В них как в зеркале отражается таинственный и необъятный дух севера.

На страницах книги вы найдете потрясающие фотографии, от которых захватывает дух. Величественные пейзажи, необычайные храмы и церкви, красота которых не оставит равнодушным даже самого искушенного путешественника.

Позвольте этой книге стать маленьким порталом в подлинную реальность исчезающего севера.

Это идеальный выбор не только для тех, кто увлекается историей и культурой нашей страны, но и для всех, кто ценит прекрасное. Отправляйтесь на поиски неизведанных берегов истории и красоты нашего севера.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Введение	8
Посвирье	13
Согиницы	14
Людмила Николаевна. Баба Люся русской деревни	19
Юрий Викторович и его «Запорожец»	20
Заозерье	23
Алевтина Георгиевна или моя самая необычная рыбалка	27
Юксовичи	33
Петр Тимофеевич. Почти с веком наравне	38
Обонежье	45
Щелейки	46
Сан Саныч и его Онего	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Моисеев
Исчезающий Север:
непридуманнные сюжеты
из жизни русской глубинки

Россия с душой. Авторский взгляд

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

© Моисеев А.Ф., текст, фото, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Введение

И каждый раз, входя в новую, неизвестную тебе деревню, глядишь во все глаза, слушаешь и нюхаешь, подмечаешь все мелочи, архитектуру, выражение народа, населяющего этот уголок, напиткиваешься сразу, все принимаешь к сердцу, чтобы потом вечером равнодушно лечь спать или, наоборот, выйти и ходить, ходить в надежде снова очароваться и с охотой говорить с хозяевами или с соседями, которые зайдут, с удовольствием слушать их, вникать в их жизнь и по возможности понятнее объяснять им свою и зачем ты здесь появился.

Ю. П. Казаков, писатель

Десять лет назад я отправился в небольшую поездку по северо-востоку Ленинградской области в поисках старинных деревень и уникальных деревянных храмов. Увидев Никольский храм в деревне Согиницы, а особенно год его создания – 1696-й, я был поражен. Ведь это за семь лет до появления Санкт-Петербурга. А дальше была встреча с самой старой деревянной церковью России, стоящей на своем месте в деревне Юковичи, рубленая в 1496 году – больше пяти столетий назад. Эта дата вообще не укладывается в сознании обычного человека. Вот тогда и появилась мысль снять что-то вроде «год из жизни нескольких деревень», но, начав

снимать, понял, что тема эта гораздо глубже и всесторонней, что судьбы деревянных шедевров настолько тесно переплетены с судьбами людскими, что порой сложно бывает отделить жизнь простого человека от жизни деревянного храма, которому уже три сотни лет. И обычными обывательскими мерками, а тем более такими короткими временными отрезками, как год, тему деревянного зодчества, русской деревни не раскрыть. Тут и жизни не хватит, пожалуй.

Русский Север огромен, и вместить его душой и сердцем гораздо проще, чем объехать, обойти либо попытаться собрать крупицы оставшихся в нашем наследии сокровищ в рамках одного, даже самого пухлого, тома.

Фотоальбом, который вы держите в руках, в первую очередь попытка собрать впечатления, встречи с людьми, настроение и многие пройденные версты бесконечной дороги Русского Севера в одно целое.

Невозможно глубоко снять жизнь деревни ни за день, ни за неделю. Нужно пожить в ней некоторое время и летом, наслаждаясь белыми ночами, и зимой, утопая по пояс в снегу, но и в этом случае история окажется недосказанной. Впрочем, я не ставил перед собой задачу исчерпывающе показать жизнь Северных деревень, а хотел лишь поделиться своими впечатлениями и историями простых людей, которые накопились за десять лет съемок. Где-то бывал всего единожды, где-то в каждое время года, но все вместе, словно лоскутное одеяло, создает некую мозаику жизни Русского Севера, складывается в ту самую гармонию, которая исчезает у нас на глазах. И лишь отдельные нотки продолжают настойчиво звучать громче, вопреки всему, и таких примеров немало. За рамками этой книги остались многие десятки храмов и часовень. Но невозможно объять необъятное, наоборот, хотелось показать, возможно, чуть менее известные, но от этого не менее уникальные места.

Стоит упомянуть, что факты о местах и событиях, истории и рассказы справедливы на свой момент времени и все меняется очень быстро, да так, что, приезжая через некоторое время, трудно бывает узнать это место, да и стариков,

равно как и тех самых часовен, с каждым годом, к сожалению, становится все меньше, ведь, увы, люди не живут так долго, как созданные теплом их рук деревянные шедевры. Так, некоторых из моих героев уже нет на этой земле, и тем ценнее мгновения, проведенные рядом.

Хочется выразить слова благодарности издательству за предложение воплотить проект в жизнь. Вековечный поклон родителям, за то, что они есть, спасибо жене и сыну, всем, кто поддерживает словом и делом, и, конечно, спасибо тем, кто встретился мне на путях-дорогах Русского Севера, ведь без них сложно было бы рассказать эту историю.

Невозможно глубоко снять жизнь деревни ни за день, ни за неделю. Нужно пожить в ней некоторое время и летом, наслаждаясь белыми ночами, и зимой, утопая по пояс в снегу, но и в этом случае история окажется недосказанной.

Пусть эти истории оставят у читателя ощущение определенной недосказанности, но я искренне надеюсь, что для кого-то это станет поводом самому отправиться в эти замечательные края и впитать в себя частичку той благодати, которая (хочется верить) есть и на страницах этой книги. Душевного вам чтения!

Посвирье

Многих памятников древности, священных реликвий прошлого мы уже не можем досчитать, о них можем только сказать словами поэта: одних уж нет (небрежением ли людским или изъятием милости Божьей) – сгорели они, а те далече – расхищены, рассеяны по разным углам нашего обширного отечества, и не скоро их отыщешь, если только возможно еще отыскать.

А. А. Каретников, архитектор, инженер. 1912 год

Согиницы

Как все же сильно время меняет облик северных деревень, особенно тех, что ближе к городу и доступнее транспорту. Причем за последние годы скорость изменений поражает как в лучшую сторону, так и наоборот. Когда я вспоминаю свои первые приезды в Согиницы, в моей памяти непременно возникает баба Люся – Людмила Николаевна, которая тогда значилась хранительницей ключей от Никольского храма, рубленного за семь лет до основания Северной столицы в 1696 году. Храм этот долгое время закрывался на простой амбар-

ный замок, ключи от которого хранились как раз в доме бабы Люси – тогда одного из двух круглогодично обитаемых в деревне. Но годы шли, и здоровье у Людмилы Николаевны, уже тогда восьмидесятилетней старушки, не улучшалось, ее забрали в город, да и многое поменялось в деревне. Вырастают как грибы новые дома (главное, чтобы без сайдинга), причем даже гостевые. В этом плане деревянное зодчество Посвирья и Обонежья находится в гораздо лучшем положении, прежде всего в силу своей близости к мегаполису. Однако, несмотря на три сотни километров до большого города, далеко не все знают, что совсем рядом уникальнейшие, стоящие на своих исконных местах шедевры мирового наследия.

Сентябрьский рассвет

Деревня Согиницы стоит на реке Важинке, которая раньше была вполне судоходной и служила, как и остальные реки той эпохи, такой же транспортной системой, как и та пыльная, но вполне ровная грунтовка, по которой едешь сегодня. Храм Николая Чудотворца стоит на самом берегу Важинки и прекрасно смотрится с воды, именно с реки открывается лучший вид на чудо русской архитектуры конца XVII века, вокруг которого выстраивается вся деревня.

Храм в свое время несколько раз перестраивался, но к нам дошел именно в таком виде: изящный шатровый восьмерик – типичная обонежская конструкция церкви того времени.

Церковь Николая Чудотворца до реставрации, XVII век

Интерьер церкви Николая Чудотворца до реставрации

Река Важинка весной

Храм в свое время несколько раз перестраивался, но к нам дошел именно в таком виде: изящный шатровый восьмерик – типичная обонежская конструкция церквей того времени. Именно шатровыми храмами славится весь Русский Север. Рядом с основным шатром стоит шестерик колокольни, которая ниже и меньше основного храма, да и рублена она была позже. Но благодаря четким пропорциям и меткому глазу наших предков вся композиция составляет единое целое: деревянный ансамбль, который стоит аккуратно на излучине Важинки, а с колокольни открывается чудесный вид на небольшую речушку и море тайги за ней. Внутри поражают воображение два круглых столба, уходящие вверх, словно два великана с воздетыми к небу руками, несущими на себе всю тяжесть векового сруба. Суровый, осиротевший после дикого лихолетья начала двадцатого века внутренний облик храма зияет глазницами опустошенного иконостаса. Ну а спустя несколько лет началась реставрация, и на сегодняшний день Никольская церковь почти как новенькая, хотя бы снаружи.

Людмила Николаевна. Баба Люся русской деревни

Та самая баба Люся, с которой я познакомился в самые первые приезды в Согиницы, надолго стала для меня оли-

цветворением русской деревни, образом той деревенской бабушки с кошкой, которая, казалось, была всегда. Она вне времени, вне пространства и существует где-то в грезах, в беззаботном детстве белым одуванчиковым пухом, пролетевшим по бескрайним полям-косогорам.

Юрий Викторович и его «Запорожец»

Иногда бывает так, что люди хотят, чтобы их сфотографировали. Надо сказать честно, это бывает редко, а точнее, почти никогда. Хотя вот это как раз такой случай.

Отшумела осень жизни

Однажды белой ночью

Однажды возле Никольского храма вижу, что ко мне направляется мужчина в кепке и в байковой рубаше. Здравоваться.

– У меня тут дом рядом, я же за этим храмом присматривал, когда в деревне жил, – говорит мужичок. – Всю жизнь почти здесь прожил. Мать у меня, могила тут... – Показывает он мне на голубоватый металлический памятник неподалеку. – А вы меня не сфотографируете? – Этим вопросом были разом сломаны все правила и шаблоны.

– Конечно, давайте, – говорю и немного смущаюсь. Услы-

шать такое предложение было как минимум необычно. Делаю несколько снимков на фоне церкви.

– Вы снимки мне пришлете? Я в Подпорожье живу, сюда только на лето приезжаю картошку посадить. Юначев Юрий Викторович. – Он протягивает мне свою сухую жилистую ладонь.

Юрий Викторович

После этого всякий раз, когда оказываюсь в Согиницах в теплое время года, стараюсь зайти к Юрию Викторовичу. Тут у него и старый дом, и баня по-черному, и куры в старом «Запорожце».

Заозерье

Деревенька Заозерье очаровывает сразу. Избами зацепившаяся за край огромного блюда Вачозера, да так и повисшая на нем вот уже несколько веков, находится она в Подпорожском районе Ленинградской области. С дороги открываются несколько небольших домиков, затем взору предстанет Петропавловская часовенка в остатках священной рощи. Потом грунтовка уходит вниз и правее, затем опять холмик и вновь вниз к берегу огромного Вачозера, на котором и приютилось Заозерье. Озеро издревле слыло среди рыбаков местом уловистым, да и не зря – в честь Петра (покровителя рыбаков) и Павла. До революции и вплоть до 30-х годов в

деревне жило больше 200 человек. Народ жил и на другом берегу Вачозера напротив Заозерья, там была несуществующая ныне деревня Кокино. Дороги туда не было, поэтому добирались на лодках – от Заозерья туда рукой подать. В 60-е годы Кокино постигла участь неперспективной деревни: обрезают провода, людей согнали с мест. Некоторые перевезли свои дома сюда, в Заозерье, – благо от Кокино всего километр по воде.

Ритмы зимы

Деревня была благополучной, но богачей не было. До революции многие мужики санным путем ездили в Финлян-

дию на заработки, на стекольные мануфактуры, – уж больно ценились здешние мастера. Ну а летом хозяйство, рыбалка. Как мне рассказывали: в деревне был знатный печник, многим дворам из окрестных деревень печи клал. Была тут и школа, и большие двухэтажные дома. Сейчас тут остался один старинный дом с мезонином и деревянным взвозом. Редкий пример подобного дома, сохранившегося в Ленинградской области, – такие тут мало где можно найти, больше их в Архангельской области и заповедных Мезени да Пинеге. Стоит ли изба сегодня в том виде, который был несколько лет назад? Ведь ландшафт русской деревни меняется довольно быстрыми темпами.

Часовня Петра и Павла, вторая половина XVIII века

Во время войны, до 1944 года, деревня была оккупирована финнами. Они считали ее своей, поэтому ничего не ломали, местных не обижали, ушли по дороге, которую сами же и построили.

Интересно, что электричество в деревне появилось только в 50-х годах, и до середины XX века здесь сохранялся старинный уклад жизни, несмотря на то что Санкт-Петербург всего в трехстах километрах отсюда.

Бесспорно, Петропавловская часовня – украшение дерев-

ни, чудесный пример классических пропорций с изящной звонницей и барабаном с крохотной маковкой. Единого года постройки в источниках нет, называют и конец XVII века, и XVIII, и начало XIX века. Наиболее правдоподобной датой, как мне кажется, является вторая половина XVIII века. В советское время в ней был устроен... курятник. Во время финской оккупации исчезли иконы. Колокол еще продолжал висеть, но вскоре исчез и он. В 70-е часовню реставрировали (тогда реставрации подверглись все памятники деревянного зодчества Подпорожского кольца), а в начале нашего века перекрыли крышу, правда частично. Так и стояла она, надломленная, с покосившимся крылечком и, наверное, рухнула бы, но кажется, что призывы были услышаны, и не так давно часовня была капитально отреставрирована, фактически воссоздана вновь. Выглядит она сейчас эдакой деревянной игрушкой со светлыми еще бревнами. Но часовню удалось сохранить, и это, пожалуй, главное.

Алевтина Георгиевна или моя самая необычная рыбалка

Так получилось, что эту историю я снимал четыре года. Нет, конечно, длилось это не все четыре года напролет, просто, когда я впервые познакомился с одной замечательной бабушкой из деревни Заозерье, что в Ленобласти, на дворе стоял 2016 год, а когда мне наконец-то удалось снять ту ис-

торию, о которой я услышал от нее тогда, календарь показывал конец июня 2020 года.

Как все начиналось

Четыре года назад в Заозерье я познакомился с удивительной Алевтиной Георгиевной, коренной жительницей, которая в силу возраста приезжает в деревню только на лето, понычаться с внуками (а в большом старинном доме порой собирается больше десятка родственников), испечь пирогов, да... сходить на рыбалку. Да-да, вы не ослышались. Когда мы беседовали с ней в 2016-м, она рассказала мне, что сама ходит на рыбалку, но не пешком, а на весельной лодке – в ее-то 80! Вот тогда я непременно решил, что должен это увидеть своими глазами.

В ожидании клева

С той нашей встречи минуло четыре года, Алевтине Георгиевне исполнилось уже 84, и я мог ее уже не застать, но чудеса случаются. Алевтина Георгиевна была на месте, более того, она все так же ходила на рыбалку в своей скромной лодчонке.

Как я на рыбалку готовился

– Можно с вами на рыбалку-то? – напрашивался я, когда мы сидели у ее столетней избы погожим июньским деньком.
– Червей нет, вот беда, лето-то ведь совсем сухое – попрятались все. Найдешь – поедем, – заявила по-деловому Алев-

тина Георгиевна.

Да-да, вы не ослышались. Когда мы беседовали с ней в 2016-м, она рассказала мне, что сама ходит на рыбалку, но не пешком, а на весельной лодке – в ее-то 80! Вот тогда я непременно решил, что должен это увидеть своими глазами.

Но где же их найти, если дождей не было уже вторую неделю подряд, кругом пыль да сушь.

Но желание пойти на рыбалку было сильнее, и после часа упорной пахоты под палящим солнцем и жалящими из травы комарами, которые непременно вознамерились коллективно отомстить мне за то, что посмел нарушить их полуденный сон в сочной травке, довольный и счастливый, я с черпачком свеженакопанных червяков топаю отдавать сокровище на хранение до завтрашней необычной рыбалки.

И она была. Самая что ни на есть рыбалка из лодочки на просторах Вачозера. В этот раз с нами пошел один из внуков Алевтины Георгиевны и грести ей не пришлось. «Так-то сама гребу, недалеко от берега встаю».

Мы отошли довольно далеко от берега, поскольку Алевтина Георгиевна хотела на «дальний кордон» к болотам. «Там окунь хорошо клюет». Она проворно закидывала маленькую «лодочную» удочку, вырубленную давным-давно из тальников ее покойным ныне мужем, и, когда надо было отходить дальше, резво гребла веслами и вновь закидывала свою нехитрую снасть.

Помню, тогда мы надергали десятка два небольших, с ладошку, окушков для кошки. «Она у меня их знаешь, как любит, за раз штук шесть-семь съедает, только успевай, ты что!» Наблюдать за ней было одно удовольствие, и такой рыбалки у меня уж точно не бывало никогда. А уж сколько историй поведала мне бабушка Аля. Не только про рыбу, но и про зверя лесного. Вот, к примеру, одна из них: «Один раз ездили мы с племянницей. Ей 12 лет было, она с Великой Губы приезжала. Рыбачим, вдруг бульк, бульк. Там за деревней, далеко, около болота, лось, а следом медведь за ним гонится. Лось подплыл к нашей лодке рядом совсем, я встала, веслом бью, бью, кричу, а мишка сразу на болото обратно. Лось развернулся и поплыл не к болоту, а в другую сторону от медведя. Медведь его загнал бедного. Да, это вот было, не сказка... Давно, лет 10 тому назад. Этой девочке 21 год сейчас, ей было 12 лет. Она испугалась: «Тетя Аля, поехали быстрее!» – «Я гребу, я гребу, да не бойся, не бойся», – говорю, а сама хуже ее испугалась. А если бы лось лодку перевернул? Мишка совсем рядом на болоте был. Но он сразу на болото прыгнул. Ой, всяких тут чудес есть».

Уезжал я тогда с чувством выполненного долга и полным пакетом душистой мяты с хрустящим лучком в качестве гостинца.

Юксовичи

Стоит на северо-востоке Ленинградской области в Подпорожском районе деревенька с непривычным русскому уху названием – Юксовичи. «Юкс» с вепсского – первое поселение, либо поселение, расположенное вокруг озера. И действительно, деревня поставлена на высоком правом берегу озера, старые деревянные избы, притаившиеся практически у самой воды, как бы нависают сверху. Озеро также называется Юксовским. Отсюда, собственно, и пошла деревня. До революции вокруг озера насчитывалось, по разным данным,

до 26 деревень. Это был целый куст крепких крестьянских хозяйств. Соседняя деревня называлась Родионово, она была частью большой деревни Юковичи. Сейчас кроме нее вокруг озера осталась всего пара деревень.

На самом въезде встречает стройная фигура Георгиевской церкви, своими ярусами уходя ввысь, с небольшой главкой в центре. Самая старая церковь России, стоящая на своем исконном месте. Это определение можно встретить во всех источниках и книгах по деревянному зодчеству, во всех справочниках, статьях в журналах и интернете. Это своеобразная «визитная карточка» храма и деревни в целом. В самом деле, есть у нас в стране еще более древние церкви и часовни, но все они ныне находятся в музеях деревянного зодчества. Из общей троицы самых старых деревянных церквей лишь одна Георгиевская церковь стоит там, где была срублена в 1493 (по другим источникам, 1496) году, и с небольшими изменениями и переделками сохранилась до наших дней. Две другие – церковь Ризоположения из села Бородава (1485 год), находится в Кирилло-Белозерском монастыре; и церковь Воскресения Лазаря из Муромского монастыря (около 1391 года), стоящая ныне в Кижях.

Осознание исторического масштаба, значимости этого величественного, словно парящего в воздухе блестящего творения мужицких рук приходит не сразу. Церковь-пламя, церковь-свеча. Уже полтысячи лет стоит она на берегах Юковского озера. В голове не укладывается исторический раз-

мах такого порядка. Сколько видел этот сруб. В том числе и оккупацию финских войск в 1941–1944 годах. Здесь не было боев, возможно, именно поэтому Георгиевская церковь как назидание всем нам стоит застывшей молитвой в деревне Юксовичи. А еще мне нравится вот такая параллель: когда в Европе творил Микеланджело, в деревне Юксовичи мужики рубили Георгиевскую церковь...

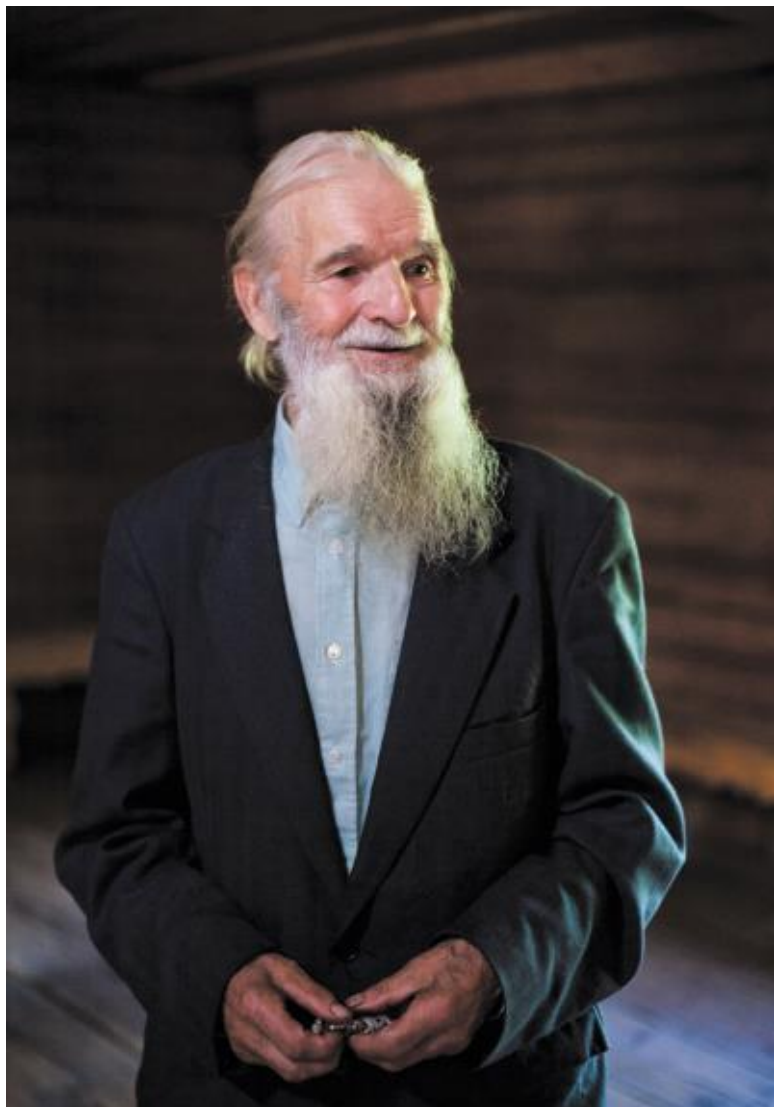
Гармония симметрии

Интересно то, что с разных точек церковь и смотрится совсем по-другому. Если стоять со стороны алтарного прируба, то кажется, что она выполнена в виде высокого сооружения с одним объемом, наподобие сгоревшей в 2018 году церкви в Кондопоге... Но, если обойти ее со стороны озера, видно, что помимо основного объема и трапезной, есть еще другой уступ двускатной клинчатой кровли. Еще один ярус представляет великолепное двухвсходное резное крыльцо. Самая же величественная картина открывается взгляду с озера, прямо с воды. Каскады двускатных крыш постепенно спускаются к обрывистому берегу. Глаз скользит по ним сверху вниз, и вся конструкция начинает оживать. Четкий ритм рубленых форм, будто музыка, звучит на фоне леса, колышется на ветру, словно дерево или пламя свечи. Финальные нотки этой деревянной партитуры принадлежат величественной сосне, в вечном поклоне склонившей свою седую крону перед шедевром рук человеческих. Причем все ветви направлены в одну сторону, и чем дальше ты отходишь в озеро, тем целостнее и гармоничнее смотрится общая картина. Поистине необыкновенно. Такая красота и гармония складываются из четких пропорций, невероятной выверенности всех деталей и элементов кровли, сруба. Увеличь маковку или барабан, расширь скаты кровли или ширину трапезной, и все – пропадет симметрия, исчезнет потрясающая

гармоничность дерева. Как могли мужики пять сотен лет назад рассчитать такую сложную многоярусную конструкцию, а потом взять да сотворить это чудо? Да, видно, духом они были другим, вольным дышали воздухом.

Петр Тимофеевич. Почти с веком наравне

Есть на земле люди, которые держат то место, в котором живут. Возьми их, вырви с корнем, и опустеет деревня, лишится того стержня, опоры, на котором замкнуто все вокруг. И неважно, кто это – хозяин с крепкой рукой, хозяйка ли с лаской и добротой, старик или молодец. Вот таким человеком-глыбой богата деревенька Юковичи, или Родионово, как написано на дорожном указателе. Я помню свою первую встречу с Петром Тимофеевичем, помню его старенькую вишневую «пятерку», впрочем, вполне ухоженную. Сначала из «жигуленка» появилась аккуратная белоснежная борода, а затем и небольшая фигура в пиджачке. Маленький улыбающийся старичок просто светился каким-то невероятным чувством добра, и внутри начинала оживать и откликаться позабытая в суете человечность и что-то корневое, спрятанное совсем далеко.

Петр Тимофеевич

Помню, как мы приезжали к нему в родительскую избу и пили чай в его маленькой комнатке со множеством икон и простой металлической кроватью в углу. И всякий раз на душе благодать.

«Мы должны нести людям радость, со злом надо бороться. Я считаю, что я малограмотный, никуда не гожий, мечтаю просветиться еще. Читаю, а не запоминаю».

О себе и семье

«Отец мне так говорил: мы-то, говорил, с матерью пожили хорошо, ну до революции. Но вам-то так не живать, как мы жили. И лошадь своя была, коровушка там и земля. Они были свободные, мы-то все равно были подчиненные. Колхоз уже, бригадир постоянно гонит на работу, давай, вставай. А они на себя, они сами хозяева были, и все свое было. Этим они преимущество имели. Вот фотографии. Отец и мама. Екатерина Федосеевна. Отец Тимофей Васильевич. Это он дом построил. До войны мне было 11 лет уже. Я с 55-го года из-за руля не выходил до пенсии. На грузовых машинах работал в Юксовском леспромхозе.

До войны только стали жить хорошо. Война в 41-м году, Гитлер напал. Я в 4-й класс пошел. Машин не было, нам дали лошадь на пять семей. Нас угнали в лагерь, в Петрозаводск. Бараки нам дали. Давали по стакану муки на сутки, ржаной,

и больше ничего. Одной мукой питались. До 44-го года были в Петрозаводске. Многие остались там, мы могли бы там остаться. Узнавали, что домов нету, и оставались. А мы узнали, что дом живой, и решили вернуться. А если бы не было дома, там бы остались, в Петрозаводске. Ну и отец-то старался вернуться на Родину. Родина, она милая для каждого – где родился, там и пригодился, как говорят. После войны я в колхозе работал, сначала боронили на лошадях, потом пахал. Плуга, инвентарь стали поставлять. Работали от зари до зари. Сначала посевная, потом сенокос, потом уборочная. Ни отпуска, ни выходных».

О деревне

«Здесь все глухо, дома-то все пустые, никто не живет, только летом приезжают дачники. Всякие приезжают тут с музыкой такой, бум-бум, мне как молотком по голове. Что за музыка? В советские времена песни хорошие были, жизненные. Я советскую власть не осуждаю. Только вот что религию. Богоборцами их называли. В Важинах даже с горкома приходила женщина, всех вызывали, с работы снимали. Это что такое? Это разве нарушение – человек пошел Богу молиться? Это не мешает никакому труду. Даже наоборот, лучше работает человек, когда с Богом живет. Одна, помню, Варвара Федоровна (помяни ее, Господи), она была секретарем горкома партии, коммунист. Вот пришла к Богу, мы с ней общались. Храм-то в Важинах действующий. Мы с ней

познакомились. Она говорит «я уверовала» и пошла к секретарю. Они там все удивились. Положила партбилет свой на стол».

О церкви

«Финны церковь не трогали. На берегу озера клуб был, я даже туда ходил, когда холостовал. Реставрация была произведена в 75-м году. Крыша была перекрыта. Но время идет, доски-то гниют. Денег не было, никакого результата не было. Потом я сам рубероид положил. Шесть лет под рубероидом церковь стояла. Если бы не сделал, сгнила бы. В позапрошлом году крышу новую сделали, лемех».

Я был рад услышать его голос вновь спустя 10 лет после нашей первой встречи. В свои 93 Петр Тимофеевич, конечно, уже не столь бодр и все реже покидает свою комнатку, но по-прежнему из телефонной трубки слышится голос человека, который, несмотря ни на что, рад каждому дню, и по-прежнему чувствуется необъяснимая благодать. Запомнились его слова: «Моя задача – чтобы спаслись люди, которые рядом, спаслись их души». Да будет так.

Тяжелый воздух, казалось, можно было разрубить

топором – настолько он был тяжел и абсолютно недвижим.

Одну из красивейших гроз на моей памяти довелось лицезреть как-то в Юксовичах. Было пасмурно и душно. Тяжелый воздух, казалось, можно было разрубить топором – настолько он был тяжел и абсолютно недвижим. Стоял лишь гул от тысяч крошечных кровопийц. Мокрец мельче мошки, но кусает он очень неприятно. Все открытые части тела были немедленно атакованы этими маленькими мучителями. Тихая мощь завораживала. Свинцовые облака наступали все стремительнее. Несмотря на полный штиль, все происходило очень быстро. Из сплошной синевы облаков стали отделяться темные, почти черные вихри. Крошечный отблеск заката догорал на западном небе, стало еще темнее. Ветра по-прежнему не было. Смолкли птахи, грандиозный спектакль природы близился к своей кульминации. Наконец, драма стала разворачиваться на глазах. Первые крупные капли дождя упали на пыльную дорогу. И тут началось. Резкий порыв ветра, и вот уже упругие струи дождя хлестко ударили по ветвям деревьев. Разразился ливень такой силы, что впереди себя нельзя было разобрать и нескольких метров. Занавес.

Обонежье

В старину достигали простыми средствами поразительных результатов. Эти шатровые церкви, кубические и бочечные покрытия на них так часто здесь встречаются, что, казалось бы, глаз должен присмотреться к сим формам, и последние должны были потерять интерес, но нет – всегда нельзя не смотреть на них с чувством удовлетворения: они так своеобразно венчают холмистую и лесистую местность края, что без них недоставало бы чего-то в природе, а без холмов и лесов не было бы основания для существования таких церквей, иначе говоря, тогдашний человек нашел средство украсить, разумно оживить окружающую его природу.

А. А. Каретников, архитектор, инженер. 1909 год

Памятники русского деревянного зодчества тем и значительны, что в них, при всей их красоте, гармоничности и сродстве с природой, везде закон логики конструкции не только главенствует, но и из него вытекает и вся сущность, и красота здания. В них решительно нет ничего искусственного, надуманного в угоду только декорации.

П. Д. Барановский, архитектор

Щелейки

Онежское озеро – Онего, как его издревле называют на Руси, – своеобразное сердце и, пожалуй, квинтэссенция всего деревянного зодчества нашей страны. Онежское озеро объединило на своих берегах подлинные шедевры деревянных храмов Русского Севера. Оно, словно изящное ожерелье в руках умелого мастера, собрало воедино на незримой цепочке такие богатства земли Русской, что не уместятся ни в какой, даже самой большой шкатулке в мире. Драгоценными камнями блещут на онежских берегах храмы и часовни, лепех куполов и ажурные узоры причелин. Венчают онежское ожерелье шедевров безымянных народных зодчих, бесспорно, Кижь.

Осенний день на Онежском озере

Деревня Щелейки (местные ударение ставят на первом слоге) и статный храм Димитрия Солунского, что стоит здесь с 1786 года. Широкий, многоглавый, с колокольной, где простор и озерный ветер. Недалеко от деревни есть высокий скальный уступ с разломом, отчего и пошло название Щелейки. Сейчас тут ведется активная добыча габбро-диабазы – вулканической горной породы, которая используется в основном для строительства дорог, и карьер дает рабочие места.

Сан Саныч и его Онего

Под стать могучему озеру и люди. Сан Саныч – один из тех мужиков, видя которых сразу понимаешь: вот настоящий хозяин на своей земле, в своем доме, в жизни в целом. Невысокий, но крепкий, в вечной морской фуражке и с огромными кулачищами. Кажется, будто он эту рыбу ловит голыми руками и не нужна ему никакая снасть и крючки.

Сан Саныч на промысле

В свое время Сан Саныч помогал мне с открытием первой

выставки про Север, средства на которую тогда собирали с миру по нитке, а через несколько лет также всем миром помогали уже Сан Санычу, после того как одной зимней ночью у него сгорел дом почти со всем имуществом и они с женой тогда чудом остались в живых...

Онежское озеро объединило на своих берегах подлинные шедевры деревянных храмов Русского Севера. Оно, словно изящное ожерелье в руках умелого мастера, собрало воедино на незримой цепочке такие богатства земли Русской, что не уместятся ни в какой, даже самой большой шкатулке в мире.

В Щелейках испокон веку жили озером, рыбой, устраивали шумные ярмарки. Смотря на сегодняшнюю деревню в пару десятков домов, трудно поверить, что до революции здесь жило больше тысячи человек. Оттого и храм Димитрия Солунского большой, пятикупольный, с размахом. Такой на онежских берегах один.

Зимний улов

Помню, как-то пронзительным синим октябрьским днем мы собирались уезжать обратно в Питер, но на большом Онего поднялся шторм, ветер накатывал белые буруны волн, где-то на подстанции оборвало провода, и света в деревне потом не было несколько дней. А из-за большой волны закрыли паром через Свирь, и пришлось давать большой круг через Петрозаводск, благо грунтовка, минуя деревню, серую лентою вьется до столицы Карелии. Однажды пришлось добираться по этой дороге автостопом, потому что проходящий через Щелейки вологодский автобус (говорят, что вроде бы

эти маршруты и вовсе отменили) был переполнен, и водитель лишь развел руками. Не отпускают просто так Щелейки, не отпускают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.